

Глава 13. Сердце пустилось вскачь

Вернувшись тем вечером на постоянный двор, Янь Хуайлин намеревался отыскать Цзан Е и обсудить с ним завтрашний путь на север, в земли Янхуа. Однако стоило ему переступить порог, как он заметил новых постояльцев — людей в богатых одеждах, от которых так и веяло благородством и властью.

Заинтересовавшись их личностями, Янь Хуайлин невольно прислушался к разговору, доносившемуся из коридора.

— Слыхали? В Цяньу, что в провинции Янхуа, скоро начнется Турнир Вэймин. Со всего света съедутся мастера, вот уж будет зрелище!

— В ночь новолуния одиннадцатого месяца... Ох и жаркая намечается битва!

— Поговаривают, в Янхуа в последнее время таланты так и сыплются. Как же того парня звали...

— Гуань Шэн?

— Точно-точно! Говорят, восходящая звезда.

— А эти постояльцы, выходит...

— Видно, тоже мастера из дальних краев. Проездом в нашем Ваньлине, держат путь на состязания.

— Друг, а про «Медицинские записи» ты что-нибудь слышал?

— Как же, слышал. Еман-цзюнь в этот раз совсем не таится.

— Неужто он сам пустил слух, что записи у него?

— Он самый. Его лечебница в Янхуа гремит на весь округ. Чтобы попасть к нему на прием, люди неделями в очереди топчутся.

— Погоди-ка. Еман-цзюнь ведь давно пропал без вести. Откуда у него лечебница?

— Несколько лет о нем и впрямь ничего не было слышно, а тут вдруг объявился. Все в шоке.

— Неужто он настолько крут? Если сам Еман-цзюнь говорит, что записи у него, значит, так оно и есть?

— А то как же!

— Но разве он не боится, что воры нагрянут?

— А вот тут самое интересное, слушай внимательно...

— И что ты здесь делаешь?

Янь Хуайлин, увлеченный рассказом, едва не подпрыгнул, когда над самым ухом раздался ледяной голос.

Обернувшись, он наткнулся на пронзительный взгляд Цзан Е.

Осознав, что всё это время он едва ли не всем телом лежал на перилах перед дверью своего спутника, Янь Хуайлин смущенно улыбнулся:

— Искал вас, господин Цзан.

— Зачем? — Цзан Е вошел в комнату. Янь Хуайлин потянулся следом, но тот преградил ему путь, придерживав дверь рукой. — Говори здесь.

Понимая, что дневная выходка всё еще тяготит мечника, Янь Хуайлин примирительно спросил:

— Вы сердитесь?

Цзан Е не ответил, но недовольство в его глазах читалось яснее ясного.

— Если вы разгневаны, я приношу свои извинения, — Янь Хуайлин склонил голову набок и состроил самую жалобную гримасу, на какую был способен.

Цзан Е нахмурился:

— Ближе к делу. Что случилось?

— Сперва простите меня, иначе у меня на душе будет кошки скрести.

Цзан Е прикрыл глаза, едва сдерживаясь. Откуда только взялся этот прохвост на его голову?

Тяжело вздохнув, он выщедил:

— Говори уже. Живо.

— Сначала простите, а не то я затаю обиду.

— Можешь ли ты обещать, что впредь не совершишь ничего... непростительного?

— Ну, это... — Янь Хуайлин почесал в затылке, раздумывая про себя: «С вашим-то лицом давать такие обещания? Задача не из легких».

— Уходи.

Цзан Е уже собрался захлопнуть дверь, но Янь Хуайлин успел прижать её ладонью.

— Стойте, стойте! Хорошо! Обещаю! Никаких «непростительных» действий! Больше ни-ни!

Глядя на покрытого холодным потом Хуайлина, Цзан Е наконец отпустил ручку двери:

— Поверю тебе в последний раз.

Почувствовав, что собственноручно лишил себя части веселья, Янь Хуайлин с притворным плачем поплелся вслед за ним в комнату.

— Так что стряслось?

— Я только что слышал, что в Цянью собираются проводить Турнир Вэймин.

— М-м, — отозвался Цзан Е ровным тоном, будто новость не была для него секретом.

— Вы знали?

— Знал.

— А то, что Еман-цзюнь тоже там, в Цянью, вам известно? — удивился Янь Хуайлин.

— Знаю. Путь от Мяочжоу до Цянью займет около восьми дней.

— Вы там бывали?

— Да.

— Там весело? Э-э... я хотел спросить, вы сами когда-нибудь участвовали в этом турнире?

Цзан Е промолчал. Янь Хуайлин предположил, что тот когда-то и впрямь выходил на арену, просто за давностью лет детали стерлись из памяти.

— Не помню.

«Ну конечно», — подумал Янь Хуайлин.

— Раз уж вы носите титул Золотого гвардейца, не возникало желания побороться снова?

— Нет.

Янь Хуайлин хотел было расспросить подробнее, но вовремя осекся. Перед ним стоял человек, носивший славу «Первого меча Поднебесной». Вряд ли турнирные бойцы могли составить ему достойную конкуренцию. К тому же Хуайлин не раз скрещивал с ним клинки и видел, как тот разделяется с опасными врагами — в силе Цзан Е сомневаться не приходилось.

— Земли Янхуа — это вотчина Шангуань Ци, главы школы Янхуа. Нам стоит быть начеку.

Цзан Е на мгновение задумался, после чего кивнул:

— Верно.

— Я всегда думал, что Еман-цзюнь давно живет затворником в горах, а он, оказывается, открыл лечебницу прямо в городе.

— Я и сам узнал об этом лишь недавно.

История с Еман-цзюнем казалась обоим подозрительной. Слухи о том, что из пяти великих врачей в живых остались лишь двое, были опровергнуты всего пару дней назад. Теперь они не спешили верить рассказам и намеревались проверить всё лично.

Обговорив маршрут, спутники разошлись по своим комнатам.

***

На восьмой день пути они благополучно добрались до Цянью. До новолуния оставалось всего два дня, и город бурлил. Улицы не затихали ни днем, ни ночью, на постоянных дворах яблоку негде было упасть — мастера со всех концов страны стекались сюда, готовясь к турниру.

Янь Хуайлину и Цзан Е пришлось изрядно потрудиться, чтобы отыскать хоть какое-то жилье на окраине. Из-за наплыва людей слуги едва справлялись, припасов не хватало, а ответы на просьбы приходилось ждать часами.

Впрочем, к роскоши они не стремились — на секретном задании выбирать не приходится. Единственное, что слегка смущало Цзан Е, — это необходимость делить одну крохотную комнату на двоих из-за нехватки свободных мест.

Янь Хуайлин по привычке хотел было отпустить колкость, но, взглянув на непроницаемое лицо спутника, решил попридержать язык.

Стоило им войти в город и поспрашивать прохожих, как выяснилось: Еман-цзюнь, чье настоящее имя было Ян Хэ, действительно открыл здесь лечебницу под названием «Байхэ-тан».

Когда они добрались до места, вид бесконечной, живой очереди перед входом заставил их невольно переглянуться. Впечатляющее зрелище. Если бы этот человек не был настоящим Еман-цзюнем, вряд ли столько людей жаждали бы его исцеления.

Чтобы не толкаться в толпе, они решили переждать пик и навестить доктора следующим вечером.

Очередь поубавилась, но все еще была внушительной. Они встали в хвост, коротая время в ожидании.

Цзан Е безучастно рассматривал окрестные строения. Почти всё вокруг занимали аптекарские лавки, а поток больных был таким плотным, что казался единой серой рекой.

Забывшись, Цзан Е не сразу заметил, как стоящий впереди Янь Хуайлин обернулся и, чуть вскинув голову, в упор уставился на его подбородок.

— Что такое? — не выдержал Цзан Е.

— Недавно вы поранили челюсть. Самое время спросить у Еман-цзюня, нет ли у него средства, чтобы шрам зажил без следа.

Цзан Е не ожидал такой заботы. Помолчав, он ответил:

— Пустяки. Просто царапина.

— Ну уж нет, — улыбнулся Янь Хуайлин. — На лице такого красавца не должно быть изъянов.

Мечник лишь покачал головой. К легкомысленным речам этого повесы привыкнуть было невозможно.

Заметив, что Хуайлин вполне довольный собой отвернулся, Цзан Е невольно опустил взгляд на его ладони. Раз уж тот заговорил о ранах, Цзан Е вспомнил, что Хуайлин тоже пострадал, и его отметина наверняка была куда серьезнее.

«Этот беспутный гуляка наверняка и не вспомнил о своих ранах», — подумал Цзан Е и сам потянулся к его запястью.

— А?

Почувствовав, как его руку перехватили и потянули вверх, Янь Хуайлин недоуменно обернулся.

— Повернись, — негромко приказал мечник, не отрывая взгляда от его ладони.

— Слушаюсь, — Хуайлин послушно развернулся, наблюдая, как Цзан Е внимательно изучает глубокий шрам на его коже.

Сердце кольнуло внезапной радостью. Янь Хуайлин расплылся в улыбке:

— Что, господин Цзан, неужели сердце защемило?

Ответа не последовало. Цзан Е лишь убедился, что заживление идет нормально — он помнил, как старался не нанести лишнего вреда, когда его меч коснулся этой плоти.

Наслаждаясь тем, с каким сосредоточенным видом Цзан Е изучает его руку, Янь Хуайлин сиял, как начищенный медный таз. Однако счастье длилось недолго: мечник выпустил его руку и снова уставился вперед, на очередь.

— Господин Цзан, вы ведь и вправду за меня беспокоились? — с надеждой спросил Хуайлин, видя, что тот даже словом не обмолвился.

В ответ — тишина. Впрочем, ожидаемо. Подобные диалоги стали для них обыденностью. К тому же Хуайлин подозревал, что Цзан Е всё еще не может забыть тот внезапный поцелуй, а потому не лез на рожон.

Спустя полчаса их наконец пригласили войти.

Едва увидев Еман-цзюня, оба спутника замерли в изумлении. Если этот человек был ровесником Е Чанлиня и Цянь Чэньцзюня, ему должно было перевалить за семьдесят. Однако перед ними сидел мужчина в самом расцвете сил — ни единой морщинки, благородные черты, статная осанка.

— Старший... вы и есть Еман-цзюнь? — осторожно спросил Цзан Е.

Тот воспринял обращение «старший» как должное и, мягко улыбнувшись, кивнул:

— Он самый.

Но голос его прозвучал надтреснуто, неся в себе груз прожитых десятилетий, что никак не вязалось с цветущей внешностью.

Спутники обменялись озадаченными взглядами.

— Если вас смущает мой вид, отбросьте сомнения, — Ян Хэ отложил кисть и внимательно посмотрел на них. — С чем пожаловали? На больных вы не похожи: лица румяные, дыхание ровное, движения уверенные.

— Вы проникательны. Мы здесь из-за тома «Медицинских записей», что хранится в Янхуа.

Услышав это, Еман-цзюнь вдруг расхохотался.

— Как прямолинейно! — отсмеявшись, он явно повеселел. — Знаете, сколько людей каждый день пытаются выведать у меня то же самое, заходя издалека?

— Нам это неведомо, — в один голос ответили они.

— Раз уж вы пришли с чистым сердцем, я отвечу вам так же, как отвечаю всем, — улыбнулся доктор. — Победите меня на Турнире Вэймин, и я добровольно отдам вам свиток Янхуа.

Янь Хуайлин уточнил:

— Вы о том состязании, что пройдет в ночь новолуния?

— О нем.

— Но вы ведь не Золотой гвардеец. Как вы сможете участвовать?

— Турнир не запрещает выход на арену мастерам из народа. Любой, кто чувствует в себе силы тягаться с гвардейцами, может подать заявку, — пояснил Ян Хэ.

Судя по его уверенному виду, Янь Хуайлин догадался, что никто из бросавших ему вызов до сих пор не преуспел.

— И достаточно победы одного из нас? — не унимался Хуайлин. Он верил в свои силы, но не горел желанием биться со всей округой до рассвета.

— Достаточно, — подтвердил Ян Хэ.

— Если мы победим, вы отдадите нам свиток, и мы сможем уйти? — в голосе Цзан Е всё еще слышалось сомнение.

— Если ваши намерения искренни, то и я не обману, — спокойно ответил доктор.

Цзан Е почтительно поклонился, принимая условия.

— Старший, позвольте уточнить еще раз, — добавил Янь Хуайлин, вспомнив, как Цянь Чэньцзюнь тоже обещал отдать записи, а в итоге им не позволили вынести даже клочка бумаги. Хоть Хуайлин и обладал феноменальной памятью, переписывать всё заново было сущей каторгой. — Вы отдадите нам подлинник?

— Уговор дороже денег. Слово мужчины — камень, — снова рассмеялся Еман-цзюнь.

— Идет! — воодушевился Хуайлин. — Ловим вас на слове!

Улыбнувшись, Ян Хэ перевел взгляд на Цзан Е:

— Позвольте ли вы мне осмотреть вашу рану в области точки Тяньжун?

Цзан Е на мгновение опешил, но кивнул. Осмотрев челюсть мечника, лекарь тут же выписал рецепт мази. Пока он выводил иероглифы, лекарь еще раз внимательно посмотрел на обоих.

— Удача на вашей стороне, молодой человек. Глубоко зашло, но, к счастью, не задело важные сосуды.

Янь Хуайлин слушал это, ничего не понимая.

— О чем вы, старший?

— Эту рану вы ведь обрабатывали сами? — лекарь снова обратился к Цзан Е.

Янь Хуайлину стало жарко — в тот день он перевязывал рану Цзан Е в какой-то полубессознательной спешке. Мечник же, ничуть не смутившись, спокойно взял вину на себя:

— Да, сам.

— Не знаю, что за оружие это было, но пройди оно чуть глубже — и вы бы истекли кровью прямо там, — строго заметил Ян Хэ. — Вижу, вы проделали долгий путь и не раз вступали в схватки. Впредь будьте осторожнее.

— Благодарю за наставление, я запомню, — Цзан Е сложил руки в приветственном жесте.

Янь Хуайлин стоял рядом, сгорая от стыда. Мысль о том, что его дрогнувшая рука с Яньюй-бяо могла лишит Цзан Е жизни, заставила его сердце пропустить удар. Он украдкой взглянул на спутника, и в этом взгляде смешались раскаяние и немая просьба о прощении.

Ни лекарь, ни Цзан Е не заметили его состояния. Обменявшись еще парой фраз, они покинули лечебницу.

Весь обратный путь Янь Хуайлин прокручивал в голове события в Юцзэ-дуне. Лицо его было непривычно суровым, и за всё время он не проронил ни слова. Когда они вернулись в комнату и принесли лекарства, Цзан Е, заметив эту странную перемену, спросил:

— Вас что-то тревожит?

Янь Хуайлин помрачнел еще сильнее:

— Если бы я тогда промахнулся, вы были бы мертвы.

Цзан Е не догадывался, что Хуайлин так сильно переживает из-за этого.

— Тогда были иные обстоятельства и иные средства. Не вините себя, всё в прошлом.

Хуайлин не ответил, лишь молча опустился на деревянный стул. Перед глазами стояла та сцена в пещере.

— В тот день... — начал он. В памяти всплыло, как Цзан Е прижимал его к себе, не жалея сил, чтобы согреть своим теплом, и как тот потом харкал кровью от истощения.

— Да? — Цзан Е не понимал, к чему он клонит.

Опустив глаза, Янь Хуайлин едва слышно произнес:

— Спасибо вам.

— За что?

— За то, что спасли меня тогда.

Глядя на непривычно тихого Хуайлина, Цзан Е нахмурился, но голос его смягчился:

— Не стоит благодарности. В тот день вы тоже спасли меня.

В комнате воцарилась тишина. Обычно такое молчание не тяготило Хуайлина — он хорошо знал нрав своего спутника. Но сегодня всё было иначе. Атмосфера казалась тяжелой, слова застревали в горле. Чтобы разрушить это неловкое оцепенение, он вспомнил про мазь.

— Кстати, господин Цзан, позвольте мне обработать вашу рану.

— Не нужно, — отозвался тот. — Пустяки, само заживет.

Янь Хуайлин посмотрел на его челюсть и понял, что не сможет оставить это просто так. Он чувствовал, что в той пещере не всё сделал правильно, и это не давало ему покоя. Взяв баночку с мазью, Хуайлин подошел к Цзан Е.

— Раз уж Еман-цзюнь велел, лучше не пренебрегать лечением.

Цзан Е удивленно посмотрел на него, но, зная упрямый нрав Хуайлина, лишь вздохнул:

— Хорошо, тогда... — Он хотел было забрать мазь, чтобы нанести её самому, но Янь Хуайлин уже коснулся пальцами прохладного снадобья и мягко протянул руку к его лицу.

— Поднимите голову чуть выше.

Цзан Е замер, поймав взгляд Хуайлина.

— Янь Хуайлин, я...

— Не шевелитесь, — Янь Хуайлин легонько коснулся его щеки, призывая к спокойствию.

Цзан Е пришлось подчиниться. Он мгновенно уловил свежий, травяной аромат мази. Бережно втирая лекарство, Янь Хуайлин вдруг поймал себя на том, что его мысли путаются.

Белизна шеи, четкая линия подбородка, поджатые губы... Прямо сейчас «Первый меч Поднебесной» сидел перед ним совершенно беззащитный, позволяя касаться самого уязвимого места. Сердце Хуайлина предательски дрогнуло.

Он замер, перестав втирать мазь. Цзан Е, почувствовав заминку, вопросительно взглянул на него.

Янь Хуайлин видел на своем веку немало красавиц, обладал завидными талантами и искусством, но всегда умел вовремя остановиться, не позволяя чувствам пустить корни. Этот мужчина перед ним, несомненно, был прекрасен, но он не должен был так на него влиять.

Встретившись глазами с Цзан Е, Хуайлин почувствовал, как его сердце пустилось вскачь. Он был в полном замешательстве. «Да что со мной такое?»

— Янь Хуайлин?

Придя в себя, Хуайлин посерьезнел. Он опустил взгляд и глухо проговорил:

— Задумался о предстоящем турнире, простите.

Теперь в его движениях не было прежней нежности. Он быстро нанес остатки мази на кожу, пару раз мазнул для верности и отстранился.

— Смазывайте вовремя, тогда и следа не останется.

Цзан Е задумчиво кивнул, глядя на него.

Сердце постепенно успокаивалось. Хуайлин убедил себя, что этот странный трепет — лишь отголосок вины за ту рану, и ничего больше. Стоило найти объяснение, как к нему вернулась прежняя беззаботная улыбка.

— Отдыхайте, господин Цзан. На турнире, боюсь, именно вам придется скрестить мечи с Еман-цзюнем.

Зная, что Цзан Е не откажет, Янь Хуайлин весело рассмеялся.